

UDC/ЭОЖ/УДК 94"16/18"; 94(574)
СІССТІ/FTAMP/MPHTИ 03.09.31; 03.20.00

«For Military Time Gunpowder Is Made by Them, the Kirghiz, Everyone Who Has a Gun with Him». Specifics of the Qazaq Gunpowder Production in the 17th – 19th Centuries

Vladimir T. Tepkeev

Doctor of History, Leading Researcher, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Kalmykia, Russian Federation. E-mail: tvt75@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4140-8358>

Keywords: warfare; gunpowder; lead; **Тірек сөздер:** әскери іс; ұнтақ; **Ключевые слова:** военное дело; Qazaqs; nomadic weapons; қорғасын; қазақтар; көшпелілердің қарулары; порох; свинец; казахи; оружие кочевников

The history of Qazaq warfare in the 17th – 19th centuries remain one of the understudied problems in Qazaq historiography. This article presents new archival data that shed light on the production of Qazaq arms in the 17th – 19th centuries. The source base was the materials of the military expedition of the Military Board of the Russian State Military Historical Archive. Based on published and unpublished sources quite interesting information about the production of gunpowder by the Qazaqs in this period was collected, which provides an opportunity for further research on this topic. The Qazaqs purchased sulfur exclusively in Central Asian cities, although it was not of very high quality, which could only affect the quality of the gunpowder itself. Sulfur was found near the “old cemeteries” or “Qalmaq mounds”. The key material in this work is the report of Baigul Bedibaev, a captured Qazaq, who gave very interesting information not only about the production of gunpowder, but also about the deposits and production of lead — one of the important components in the production of firearms. In the production and use of firearms, the Qazaqs were in many ways dependent on the urban centers of Central Asia, including the production of gunpowder since they could not produce all its components independently. As a result, in military confrontations with neighboring peoples in the 18th century, the Qazaqs were significantly inferior in the use of firearms because they were severely limited in the production of gunpowder.

Source of financing: The research was conducted within the framework of the state subsidy – the project “Southeastern Belt of Russia: Research of Political and Cultural History of Social Communities and Groups” (state registration number: 122022700134-6)

For citation: Tepkeev Vladimir T. 2023. «For Military Time Gunpowder Is Made by Them, the Kirghiz, Everyone Who Has a Gun with Him». Specifics of the Qazaq Gunpowder Production in the 17th – 19th Centuries. *Qazaq Historical Review*, 1 (2), 288–296 (in Russian).

«Соғыс уақытында оқ-дәріні олар, қырғыздар, мылтығы барлар жасайды». XVII–XIX ғасырларда қазақ оқ-дәрінің жасалу ерекшеліктері

Владимир Т. Тепкеев

тарих ғылымдарының докторы, жетекші ғылыми қызметкер, РҒА Қалмақ ғылыми орталығы, Элиста, Қалмақия, Ресей Федерациясы

XVII–XVIII ғасырлардағы қазақтардың әскери ісінің тарихы қазақ халқының тарихнамасында жеткілікті зерттелген мәселелердің бірі болып қала береді. Мақаланың мақсаты – XVII–XIX ғасырлардағы қазақ қару-жарақтарының өндірісіне жарық түсіретін жаңа мұрағаттық деректерді жариялау. Бастапқы негіз ретінде Ресей мемлекеттік әскери-тарихи мұрағаты Әскери алқасының әскери экспедициясының материалдары болды. Жарияланған және жарияланбаған дереккөздерге сүйене отырып, осы кезеңдегі қазақтардың оқ-дәрі өндіруі туралы өте қызықты мәліметтер жиналды, бұл осы тақырыпты одан әрі зерттеуге мүмкіндік береді. Қазақтар күкіртті тек Орталық Азия қалаларынан сатып алды, бірақ оның сапасы өте жоғары емес еді, бұл мылтықтың сапасына әсер етпей мүмкін емес еді. Селитра «ескі зираттардың» немесе «қалмақ қорғандарының» жанынан табылған. Бұл мақаланың негізгі материалы тұтқынға түскен қазақ Байғұл Бедібаевтың хабарламасы болды, онда тек оқ-дәрі өндірісі туралы

гана емес, сонымен қатар атыс қаруының маңызды құрамдас бөліктерінің бірі қорғасынның кен орындары мен өндірісі туралы өте қызықты деректер бар. Қазақтар атыс қаруын жасау мен қолдануда оның барлық құрамдас бөліктерін өз бетінше жасай алмағандықтан, негізінен Орталық Азияның қала орталықтарына, соның ішінде қару-жарақ өндірісіне тәуелді болды. Нәтижесінде, XVIII ғасырда көрші халықтармен болған әскери қақтығыстарда қазақтар олардан атыс қаруын қолдану күші жағынан айтарлықтай төмен болды, өйткені олардың қару жасаудағы өндірістік мүмкіндіктері мен шығарылатын мылтық сапасы өте шектеулі болды.

Қаржыландыру көзі: Зерттеу мемлекеттік субсидия – «Ресейдің оңтүстік-шығыс белдеуі: әлеуметтік қауымдастықтар мен топтардың саяси және мәдени тарихын зерттеу» жобасы (мемлекеттік тіркеу нөмірі: 122022700134-6) аясында жүргізілді.

Сілеме жасау үшін: Тепкеев В.Т. «Соғыс уақытында оқ-дәріні олар, қырғыздар, мылтығы барлар жасайды». XVII–XIX ғасырларда қазақ оқ-дәрінің жасалу ерекшеліктері. *Qazaq Historical Review*. 2023. № 1 (2). 288–296-бб. (орысша).

«Для воинского время порох делают они, киргисцы, все, кто имеет при себе ружье». Особенности производства казахского пороха в XVII–XIX веках

Владимир Т. Тепкеев

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Калмыкия, Российская Федерация

История военного дела казахов XVII–XVIII веках остается пока одной из недостаточно изученных проблем в историографии казахского народа. В настоящей статье публикуются новые архивные данные, проливающие свет на производство вооружения казахов в XVII–XIX веках. Источниковой базой послужили материалы Воинской экспедиции Военной коллегии Российского государственного военно-исторического архива. На основе опубликованных и неопубликованных источников собраны довольно интересные сведения о производстве пороха казахами в указанный период, что дает возможность для дальнейшего исследования этой темы. Серу казахи приобретали исключительно в среднеазиатских городах, правда, она была не очень высокого качества, что не могло не отразиться на качестве самого пороха. Селитру находили возле «старых кладбищ» или «калмыцких курганов». Ключевым материалом в данной работе послужило сообщение пленного казаха Байгуля Бедибаева, который дает весьма интересные сведения не только о производстве пороха, но и о залежах и производстве свинца – одного из важных составляющих огнестрельного производства. В производстве и использовании огнестрельного оружия казахи во многом зависели от городских центров Центральной Азии, в том числе и при производстве пороха, так как не могли самостоятельно создавать все его компоненты. Как результат, в военных столкновениях с соседними народами в XVIII веке казахи значительно им уступали в мощностях применения огнестрельного оружия, поскольку были сильно ограничены в производственных возможностях создания вооружения и качестве производимого пороха.

Источник финансирования: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Тепкеев В.Т. «Для воинского время порох делают они, киргисцы, все, кто имеет при себе ружье». Особенности производства казахского пороха в XVII–XIX веках. *Qazaq Historical Review*. 2023. № 1 (2). С. 288–296.

Введение

Одной из важных составляющих военного искусства кочевников Восточной Европы и Центральной Азии, наряду с военной стратегией, тактикой ведения боя и комплексом вооружения, является и организация вооруженных сил. Под военной организацией подразумевается комплектование войска, управление, боевая подготовка и система обеспечения [Бобров 2015: 54]. Обеспечение армии или войска осуществляется в том числе и за счет военного производства. Именно эта сторона военного дела кочевников наиболее слабо изучена в историографии, поэтому публикация новых архивных данных, проливающих свет на производство вооружения кочевников, — основная цель данной статьи.

Мы понимаем, что в условиях кочевой жизни кочевники не обладали мощными ресурсами для создания собственного военно-промышленного комплекса. Это во многом и определило их технологическое и военное отставание от оседло-земледельческих государств, так как с массовым переходом на огнестрельное вооружение кочевники во многом были

зависимы от них в прямых поставках. Однако в источниках мы находим свидетельства того, как кочевники пытались собственными силами наладить производство боеприпасов и их составляющих. В XVIII веке кочевые народы разными способами решали эту проблему: например, джунгары сумели наладить собственное производство пороха и огнестрельного оружия, в том числе и с помощью иностранных специалистов, что позволяло долгое время сопротивляться военной агрессии Цинской и Российской империй; волжские калмыки получали порох и свинец от российского правительства в виде жалованья за военную службу или контрабандным путем с помощью коррумпированных городских воевод. В этой связи интересно было исследовать то, как казахи решали проблему военного снабжения и какими для этого обладали ресурсами.

Обсуждение

Как отмечает профессор Айболат Кушкумбаев, война и военное дело имели большое значение в истории кочевых народов, однако военно-историческая тематика остается пока одной из недостаточно изученных проблем в историографии казахского народа [Кушкумбаев 2001: 5]. Многие авторы в своих работах по военному делу кочевых народов в той или иной мере затрагивали тему производства у казахов огнестрельного вооружения и боеприпасов. Однако отдельных работ, посвященных производству такого важного военного компонента, как порох, не было. Исключением стоит только небольшая статья Чокана Валиханова, где он в подробности освещает процесс производства пороха у казахов в середине XIX века [Валиханов 1984: 183–184]. Однако было бы желательно проследить всю эволюцию этого производства, начиная с наиболее раннего упоминания. Первые источники, затрагивающие тему производства казахами пороха и свинца, датируются концом XVII века [Самойлович 1932: 266]. На протяжении XVIII века также встречаются сведения переводчика Алексея Тевкелева [Киреев и др. 1961: 86] и капитана Николая Рычкова [Рычков 1772: 22], которые значительно дополняют ранее известные сообщения. В XIX веке сведения о производстве казахами пороха существенно дополняются работами Чокана Валиханова, Александра Гейнса и Алексея Левшина.

Методы и материалы

Источниковой базой настоящей статьи послужили материалы Ф.20 – Воинской экспедиции Военной коллегии Российского государственного военно-исторического архива. Это орган оперативного управления войсками, который ведал секретным делопроизводством, в том числе сбором сведений о положении в приграничных районах империи на казахском направлении. Достоверность представленных сведений проверялась путем выявления их происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками, в том числе и личного характера, содержащими похожую информацию.

Результаты

Одно из первых упоминаний в источниках особенностей производства казахами пороха мы находим в «распросных речах» казака Федора Скибина, возвратившегося с товарищами в 1695 году в Тобольск из Казахской орды:

а огненное де ружье и порох и свинец и луки привозят из Большой Бухарии; а сказывают де, что берут селитру по кислым озерам и варят в котлах, а сера де топится из каменн близко Еркенских городов, а свинец де плавят из руды в городе Кардаке и порох де чинят приезжие бухарцы полоненники; а руду де красной меди плавят на тобольской дороге [Самойлович 1932: 266].

Интерес российских чиновников к этой стороне военного дела казахов или какого-либо другого кочевого народа вполне объясним. Российские власти разными путями выясняли военный потенциал кочевников, так как от этого зависела не только безопасность приграничных территорий, но и их возможности в открытом вооруженном противостоянии

российским войскам, особенно с использованием огнестрельного оружия. Для этого нужно было знать и о внутреннем военном производстве и снабжении кочевников.

В течение XVIII века этот вопрос среди прочих всегда стоял перед российскими посланниками перед отправкой их в казахские кочевья, которые, определенно, выполняли и функции военной разведки. Так, переводчик Алексей Тевкелев после поездки в Младший жуз в 1732 году в своем отчетном журнале уделил особое внимание и военному делу кочевого народа. В частности, он отметил, что казахи огнестрельное оружие приобретают в Хиве и Бухаре, а «порох и селитру делают сами, кому надобно, всяк про себя, а заводов больших нет» [Киреев и др. 1961: 86].

Особенности производства пороха казахи зачастую скрывали от русских представителей или офицеров, хотя оно и не был особым секретом. Например, капитан Николай Рычков в ходе так называемого «Пыльного похода», т.е. преследования бежавших из России в Китай волжских калмыков в 1771 году, имел личное общение с казахами Младшего жуза хана Нуралы. У них были при себе огнестрельные ружья, большей частью приобретенные в Ташкенте. Он отмечал, что порох казахи в своих улусах делали самостоятельно, и он состоял из двух видов: белого и черного. Однако попытки Рычкова разузнать у казахов какие-либо подробности о его производстве не имели положительного результата: «но искусство сие хранят они как таинство не многим народам известное» [Рычков 1772: 22]. При этом сами казахи отмечали, что каких-либо особенностей в его производстве у них нет: «что мы делаем оной так, как и в вашей стороне, и нет в искусстве нашем ничего отменного, а потребное ко оному достаем мы в собственных наших землях» [Рычков 1772: 22].

В XIX веке никакого секрета в производстве казахами пороха уже не осталось. Многие российские просвещенные чиновники, путешественники ринулись изучать новоприобретенные земли Российской империи в Центральной Азии, в том числе особенности жизнедеятельности кочевых казахов. В начале столетия известный российский этнограф Алексей Левшин также оставил свои сведения о вооружении казахов. Он утверждал, что казахские кочевники оружие и порох в основном приобретали в Хиве, Бухаре, Персии, Ташкенте и Кашгаре. Был порох и собственного изготовления. Отдельные казахские мастера готовили порох в домашних условиях, и он был достаточно плохого качества, так как они не знали точной пропорции его составных частей. Селитру казахи находили на древних могилах [Левшин 1832: 50].

О трудности добывания казахами пороха и свинца отмечал в 1860-х годах Александр Гейнс. В своих этнографических наблюдениях он писал, что затруднительное употребление казахами огнестрельного оружия было связано с дефицитом у них свинцовых пуль, поэтому они зачастую вместо них использовали кремневые голыши, куски чугуна и даже глиняные пули. В описании внешнего вида пороха, используемого кочевниками, Гейнс отмечал, что он не зернистый, а в виде мякоти, составные части которого смешаны без соблюдения должной пропорции. В большинстве случаев, продолжает он, казахи приобретали порох в соседних среднеазиатских владениях, но иногда производили его самостоятельно. Для этого они смешивали покупную серу и селитру, которую находили в соляных степных озерах, хотя и не весьма очищенную [Гейнс 1897: 74].

Большую ясность в этот вопрос в середине XIX века внес известный казахский просветитель Чокан Валиханов, который в ходе своих экспедиций по Казахстану и большей части Центральной Азии собрал большой историко-этнографический материал о кочевых народах, в том числе и сведения о производстве казахами пороха [Валиханов 1984: 183–184].

По его данным, казахский порох делится на три составные части: селитру (сор), уголь (кумур) и серу (кукурт). Селитру казахи собирали с навоза, оставшегося от давних зимовок, или из земли древних «калмыцких» курганов. Уголь употреблялся исключительно из

Fig. 1. Qazaq from the Middle Horde with a gun. Drawing by Johan Peter Falk, 1785–1786. Archive of the Institute for Humanities Studies ABDI

1-сур. Мылтық ұстаған Орта жүз қазағы. Иоганн Питер Фальктың суреті, 1785–1786. АБДИ гуманитарлық зерттеу институтының мұрағаты

Рис. 1. Казах из Средней Орды с ружьем. Рисунок Иоганна Петера Фалька, 1785–1786. Архив Института гуманитарных исследований АБДИ

талового дерева, а серу приобретали у русских, через посредничество татарских торговцев, привозивших ее с ташкентского базара. Правда, она признавалась весьма некачественной.

Селитру получали путем кипячения в больших котлах земли с ее элементами, которую определяли по вспышке костра. После отстаивания воды в котлах желтую жидкость, образовавшуюся на поверхности, процеживали через чистую кошму и сливали в новый чистый казан для нового кипячения. Затем на поверхности корыта или какой-либо другой емкости, куда сливалась вся жидкость, крестообразным образом устанавливались тонкие тростники (чи), что создавало кристаллизацию селитры. Получив таким образом селитру в чистом виде, ее в течении суток терли в чугунном котле огромным булыжником или другим твердым камнем [Валиханов 1984: 183–184].

Уголь казахами использовался только из талового дерева, который считался самым мягким и пригодным для пороха. Он, как и селитра, растирался в очень мелкий порошок и, по словам самих казахов, для этой трудоемкой операции нужно было пять человек, которые бы работали до усталости целый день [Валиханов 1984: 184].

Для получения двух с половиной фунта пороха (1,1 кг) использовались один фунт селитры, полфунта угля и один фунт серы. После взвешивания все компоненты пороха высыпались в котел и нагревались до той меры, пока он не мог воспламениться. В ходе этого процесса смесь постоянно растиралась конским волосом и увлажнялась водой до тех пор, пока не образовывались крупинки величиной в просяное зерно. Образовавшийся требуемой величины порох отбирали от более крупного, который снова растирали до тех пор, пока не получали порох требуемой величины. В заключение для очищения всего пороха от мякоти в хороший сухой день его провеивали на легком ветру, и после этого он уже делался пригодным к своему назначению и употреблению [Валиханов 1984: 184].

Валиханов дал довольно исчерпывающее описание производства казахского пороха в середине XIX века, но в нашем распоряжении оказались более ранние сведения о таком же производстве, но только начала XVIII века. Было интересно провести сравнение производства одного того же материала у кочевого народа с разницей более чем в столетие.

В ходе исследования материалов Воинской экспедиции Военной коллегии Российской государственного военно-исторического архива среди прочего были обнаружены показания казаха из Среднего жуза, Байгуля Бедибаева, взятого в плен башкирами в сентябре 1728 года и доставленного в Санкт-Петербург.

В начале лета 1728 года 2200 казахов под командой Барак-султана направились в набег на башкирские волости Сибирской дороги. По словам Байгуля, это было ответной реакцией на набег 500 башкир под началом Чювашбая на казахские улусы, в результате которого были убиты 30 и взяты в полон 106 казахов. В конечном итоге казахский набег на башкир оказался вполне удачным, который сопровождался большой добычей в виде захваченного полона и скота. Отряд из 700 башкир пытался организовать преследование казахского войска, но он не принес результатов. Башкирам только удалось перехватить шестерых казахов, отставших от войска, четверо из которых были убиты, одному удалось сбежать и одного взять в плен [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 30. Л. 35].

В целом стоит отметить, что показания пленных казахов и русских людей, бежавших из казахского плена, дают довольно много интересной информации не только о военных действиях казахов, но и о внутреннем положении казахского общества. Именно эта сторона казахской истории менее всего освещена в русских документах начала XVIII века. Очевидно, что сведения, которые дал в Санкт-Петербурге Байгуль Бедибаев, также представляют большой интерес, особенно об организации военного дела и военного производства казахов в начале указанного столетия.

В Военной коллегии внимательно отслеживали положение дел на приграничных территориях Российской империи, в том числе и на границе с казахскими жузами. Сведения о военном потенциале казахов имели весьма ценный характер, поскольку появление казахов Среднего и Младшего жузов в начале 1720-х годов вблизи Уфимского уезда и на восточной границе кочевий волжских калмыков создавало довольно напряженную и конфликтную ситуацию. В течение 1720-х годов степи Северного Прикаспия и Арало-Каспийского регионов постоянно сотрясали вооруженные столкновения казахов и каракалпаков с калмыками, башкирами, яицкими казаками и туркменами. Поэтому не удивительно, что военные российские специалисты собирали как можно больше информации о казахах, особенно для них представляли большую ценность показания пленных. Байгуль Бедибаев также не стал исключением, но в нашем случае он дает довольно интересную информацию о производстве казахами пороха и свинца, которую мы приводим ниже.

Для воинского время порох делают они, киргисцы, все, кто имеет при себе ружье, из бело с прожелтыми знаки серы, которую де купят в бухарской орде. И из оной де серы показанной порох сочиняют они, киргисцы, смешивая з землю, которую де землю берут из старых кладбищ и варят в котлах, да к тому ж примешивают таловые уголья. А свинец делают ис камня, которой де камень берут во владении их же, киргис кайсацкой орды, близ города Туркестана. А буде до того города полторы дни между гор в пещерах. И они де киргисцы оные камень жгут, вырыв ямы, чрез коневой кал и к тому же кладут сала овечья [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 30. Л. 34об.-35].

В 1734 году начальник Оренбургской экспедиции Иван Кириллов в своем докладе сообщал, что свинец с примесью серебра казахами добывался в горе Свинцовой в районе Сырдарии и в горах Каратау в Ташкентском владении, где, по наблюдениям Поспелова и Бурнашева, добывался «свинцовый блеск в известковом камне» [Аполлова 1948: 46, сн. 7].

Заключение

Сравнив сведения о казахском порохе Байгуля Бедибаева, Чокана Валиханова, Федора Скибина, Алексея Тевкелева и других авторов, можно сделать ряд выводов об особенностях его производства.

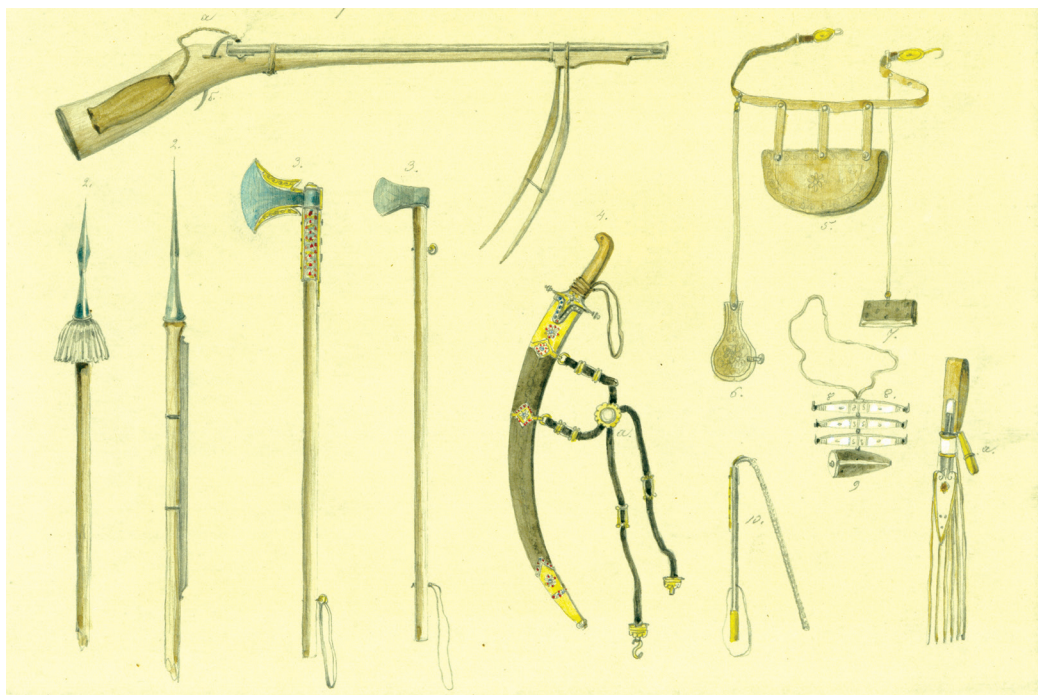

Fig. 2. Qazaq weapons. Drawing by Pavel Kasharov, 1857. Archive of the Russian Geographical Society, holding 58, register 1, file 23. Archive of the Institute for Humanitarian Research ABDI
2-сур. Қазақ қаруы. Павел Кашаровтың суреті, 1857. Орыс географиялық қоғамының мұрағаты. 58-қ., 1-т., 23-іс. АБДИ гуманитарлық зерттеу институтының мұрағаты
Рис. 2. Казахское оружие. Рисунок Павла Кашарова, 1857. Архив РГО. Ф. 58, Оп. 1, Д. 23. Архив Института гуманитарных исследований АБДИ

Во-первых, серу, как и все огнестрельное оружие, казахи приобретали исключительно в среднеазиатских городах. Правда, сера была не очень высокого качества, что не могло не отразиться на качестве производимого пороха.

Во-вторых, селитру находили возле «старых кладбищ» или «калмыцких курганов», что, скорее всего, означает одно и то же. «Калмыцкие курганы» – это условный термин, которым казахи называли памятники языческого периода, и возник он в период распространения ислама. Здесь речь идет о калийной селитре, отчасти желтого или коричневого цвета, которую казахи добывали на местах старых зимовок и кладбищ.

В-третьих, Байгуль Бедибаев дает весьма интересные сведения не только о производстве пороха, но и о залежах и производстве свинца – одного из важных составляющих огнестрельного производства.

В целом нужно также отметить, что казахи в производстве и использовании огнестрельного оружия во многом зависели от городских центров Средней Азии. Они не могли при производстве пороха самостоятельно создавать все его компоненты, что делало их весьма уязвимыми в военных столкновениях с другими кочевыми или оседлыми народами, где поставки или производство вооружения стояли на порядок выше. Например, как показывают документы, в военных столкновениях с соседними народами в XVIII веке казахи значительно им уступали в мощностях применения огнестрельного оружия, поскольку сильно были ограничены в производственных возможностях создания вооружения и качестве пороха.

Библиография

- Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948.
- Бобров Л.А. Военная организация казахских кочевников от Абулхаира до Кенесары (XVIII – первая половина XIX вв.) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. №. 7. С. 54–61.
- Валиханов Ч.Ч. Составные части киргиз-кайсацкого пороха // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. С. 183–184.
- Гейнс А.К. Киргиз-Кайсаки (в Зауральской степи) // Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. Т. I. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. С. 27–177.
- Киреев Ф.Н. и др. (сост.). Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1961.
- Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или, киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. Санкт-Петербург: В типографии Карла Крайя, 1832.
- Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-кайсацкой степи, 1771 году. Санкт-Петербург: при Императорской академии наук, 1772.
- Самойлович А.Н. (ред.). Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII веках. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1932.

References

- Apollova, N.G. 1948. *Prisoedinenie Kazahstana k Rossii v 30-h godah XVIII veka* [The accession of Qazaqstan to Russia in the 30s of the 18th century]. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Qazaq Soviet Socialist Republic (in Russian).
- Bobrov, L.A. 2015. Voennaja organizacija kazahskih kochevnikov ot Abulhaira do Kenesary (XVIII – pervaja polovina XIX vv.) [Military organization of Qazaq nomads from Abulkhaira to Kenesary (18th – first half of 19th centuries)]. In: *Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States], 7, 54–61 (in Russian).
- Gejns, A.K. 1897. Kirgiz-Kajsaki (v Zaural'skoj stepi) [Qyrgyz-Qaysaqi (in Trans-Ural Steppe)]. In: *Sobranie literaturnyh trudov Aleksandra Konstantinovicha Gejnса* [Collection of literary works of Alexander Konstantinovich Gajns]. T. I. St. Petersburg: Printing house M.M. Stasyulevich, 27–177 (in Russian).
- Kireev, F.N., et al. (ed.). 1961. *Kazahsko-russkie otnoshenija v XVI–XVIII vekah. Sbornik dokumentov i materialov* [Qazaq-Russian relations in the 16th–18th centuries. Collection of documents and materials]. Alma-Ata: Publishing house «Nauka» (in Russian).
- Kushkumbaev, A.K. 2001. *Voennoe delo kazahov v XVII–XVIII vekah* [Military affairs of the Qazaqs in the 17th–18th centuries]. Almaty: Dajk-Press (in Russian).
- Levshin, A.I. 1832. *Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili, kirgiz-kajsackih ord i stepej* [Description of the Qyrgyz-Cossack, or Qyrgyz-Qaisaq Hordes and Steppes]. Parts 3. St. Petersburg: In the printing house of Karl Kraya (in Russian).
- Rychkov, N.P. 1772. *Dnevnye zapiski puteshestvija kapitana Nikolaja Rychkova v Kirgiz-kajsackoj stepi, 1771 godu* [Daily travel notes of Captain Nikolay Rychkov in the Qyrgyz-Qaysaq steppe, 1771]. St. Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Samojlovich, A.N. (ed.). 1932. *Materialy po istorii Uzbekskoj, Tadjikskoj i Turkmenskoj SSR. Chast' 1: Torgovlja s Moskovskim gosudarstvom i mezhdunarodnoe polozhenie Srednej Azii v XVI–XVII vekah* [Materials on the history of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR. Part 1: Trade with the

Moscow state and the international position of Central Asia in the 16th–17th centuries. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Valihanov, Ch.Ch. 1984. Sostavnye chasti kirgiz-kajsackogo poroha [Components of Qyrgyz-Qaysaq gunpowder]. In: *Sobraniye sochineniy v pyati tomakh* [Collected works in five volumes]. Alma-Ata: Main editorial office of the Qazaq Soviet Encyclopedia, 1, 183–184 (in Russian).

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 20.02.2023

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 20.04.2023

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 01.06.2023

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY / СЫН ЖӘНЕ БИБЛИОГРАФИЯ / КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

UDC/ЭОЖ/УДК 94"16/18"; 94(574)

СІССТІ/ҒТАМР/МРНТИ 03.09.31; 03.20.00

New Research on Historical Cartography of the Qazaq Steppe of the 17th – Early 20th Centuries

Svetlana I. Kovalskaya

Doctor of History, Professor, Lev Gumilyov Eurasian National University, Astana, Qazaqstan.

E-mail: skovalsk@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7613-7597>

Keywords: Consolidated Catalog; Cartographic Materials; History of Qazaqstan; Galina Ksenzikh; Yerlan Karin

Тірек сөздер: жиынтық каталог; картографиялық материалдар; Қазақстан тарихы; Галина Ксенжик; Ерлан Қарин

Ключевые слова: сводный каталог; картографические материалы; история Казахстана; Галина Ксенжик; Ерлан Карин

This is a review of a new book by Kazakhstani researchers Galina Ksenzikh and Erlan Karin, “The consolidated catalog of cartographic materials on the history of Qazaqstan in 17th – early 20th centuries”. In this book for the first time the reader is presented with the domestic experience of preparation of a consolidated catalog of cartographic materials on the history of Qazaqstan in 17th – early 20th centuries, based on a comprehensive scientific interdisciplinary study. A third of the monograph is devoted to the characterization of sources, historiography, and research methodology, the rest being the characterization of cartographic materials from 1588 to 1910, i.e., the historical period of 322 years is covered. 455 European and Russian maps are described in the book. It is a huge research work. The authors emphasize the vastness of the stocks of cartographic materials of all the studied cartographic repositories, which number tens and hundreds of cases, which makes the search extremely laborious. The authors have studied foreign collections; among them there were unique cartographic collections in archives, museums and libraries of Moscow, St. Petersburg, Orenburg, Omsk, and Tashkent. The list of maps alone shows the painstaking work of researchers that preceded this publication. The authors have analyzed all the available literature on the problem under study. The book addresses a significant gap in domestic scholarship and provides future researchers with a concrete methodological toolkit, making their work requiring the involvement of cartographic materials much easier, both in terms of searching for such materials and research methodology. I am sure that the new study of Galina Nikolaevna Ksenzikh, Doctor of History, and Yerlan Tynymbayuly Karin, Candidate of Political Sciences, will be in demand by specialists and a wide readership.

For citation: Kovalskaya Svetlana I. 2023. New Research on Historical Cartography of the Qazaq Steppe of the 17th – Early 20th Centuries. *Qazaq Historical Review*, 1 (2), 296–301 (in Russian).